

Состояние гражданской солидарности городских и сельских территорий Юга России¹

The state of civil solidarity in urban and rural areas of Southern Russia

DOI: 10.12737/2587-6295-2023-7-4-72-87

УДК 323.21

Получено: 23.11.2023

Одобрено: 05.12.2023

Опубликовано: 20.12.2023

Русия Н.Т.

Старший преподаватель кафедры государственной политики и государственного управления ФГБОУ ВО «Кубанского государственного университета».

e-mail: natarus2412@mail.ru

Rusiya N.T.

Senior Lecturer, Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University.

e-mail: natarus2412@mail.ru

Ракачев Д.Н.

Канд. истор. наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения ФГБОУ ВО «Кубанского государственного университета».

e-mail: rd_rd@mail.ru

Rakachev D.N.

Candidate of Historical Sciences, Department of Foreign Regional Studies and Oriental Studies, Kuban State University, Associate Professor.

Аннотация

В современных условиях социальной дезорганизации общества и поисков объединяющих оснований граждан страны поднимается вопрос о научном осмыслении успешных способов и технологий актуализации гражданской солидарности. Мобилизация ресурсов сообществ на локальном уровне в условиях неоднородности социально-экономического и социокультурного пространства возможна только через практики гражданской солидарности, выстроенной на основании гражданской идентичности. *Цель* настоящего исследования – выявить и описать геополитические, социально-экономические, политико-правовые и социокультурные факторы, оказывающие влияние на формирование гражданской солидарности в городских и сельских территориях регионов Юга России, а также форматы включения жителей в практики солидарности. Для того, чтобы охарактеризовать весь набор факторов, влияющих на формирование гражданской солидарности на территориях России, нами *были изучены* сельские и городские территории регионов Юга России (Краснодарский край, Республика Крым, Республика Адыгея). Выбор объекта исследования обусловлен широкой совокупностью дестабилизирующих, поляризующих общество факторов, который в настоящее время фиксируется на территории Южного федерального округа. В качестве эмпирической базы были использованы транскрипты 45 *экспертных интервью* (по 15 экспертов из каждого выбранного субъекта ЮФО) и результаты анкетного опроса (969

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FZEN-2023-0010 «Стратегии и технологии актуализации гражданской солидарности на локальном уровне» (на примере субъектов Южного федерального округа)»

респондентов в 3 субъектах). В исследовании *выделены и описаны* наиболее значимые факторы формирования гражданской солидарности: институциональный, ценностный, внешние вызовы и угрозы, мобилизационный потенциал жителей территории, форматы взаимодействия в сложившейся поселенческой структуре и фактор лидерства.

Ключевые слова: гражданская солидарность, гражданская идентичность, политика идентичности, городские территории, сельские территории.

Abstract

At the moment, the task is to scientifically comprehend successful methods and technologies for updating civil solidarity in the context of social disorganization of society and the search for unifying grounds for the country's citizens. Mobilization of community resources at the local level in conditions of heterogeneity of socio-economic and socio-cultural space is possible only through the practice of civil solidarity built on the basis of civic identity. The purpose of this study is to identify and describe geopolitical, socio-economic, political-legal and socio-cultural factors that influence the formation of civil solidarity in urban and rural areas of the regions of Southern Russia, as well as formats for including residents in solidarity practices. We have studied rural and urban areas of the regions of the South of Russia (Krasnodar Territory, Republic of Crimea, Republic of Adygea) in order to characterize the entire set of factors influencing the formation of civil solidarity in the territories of Russia. The choice of the object of study is determined by a wide range of destabilizing, polarizing factors that are currently being recorded in the Southern Federal District. Transcripts of 45 expert interviews (15 experts from each selected region of the Southern Federal District) and the results of a questionnaire survey (969 respondents in 3 regions) were used as an empirical basis. The study identifies and describes the most significant factors in the formation of civil solidarity: institutional, value-based, external challenges and threats, the mobilization potential of residents of the territory, formats of interaction in the existing settlement structure and the leadership factor.

Keywords: civil solidarity, civic identity, identity politics, urban areas, rural areas.

Введение

В настоящее время в российском обществе выражен запрос на общественную сплоченность и мультипликацию социально позитивных гражданских практик. Сохранение национального суверенитета, нарастание давления коллективного Запада, защита традиционных ценностей в противостоянии с так называемой «новой этикой», потеря интеллектуальных ресурсов вследствие оттока населения за пределы страны актуализирует вопросы консолидации российского общества. Мобилизация «низовых» ресурсов антикризисной политики и политики развития эффективна лишь в условиях солидаризации граждан России.

В российском поле социогуманитарного знания существует необходимость научного осмысления успешных способов и технологий актуализации гражданской солидарности, которые невозможно выработать и интегрировать в политико-управленческую практику без представления о ключевых факторах, оказывающих влияние на формирование гражданской солидарности в условиях неоднородности социально-экономического и социокультурного пространства сельских территорий и малых городов регионов Южного федерального округа.

Цель настоящего исследования – выявить и описать геополитические, социально-экономические, политико-правовые и социокультурные факторы, оказывающие влияние на формирование гражданской солидарности в городских и сельских территориях регионов Юга России, а также форматы включения жителей в практики солидарности.

Теоретической основой изучения солидарности является интеграция концепции Т. Парсонса [16], который описывает ее как динамическое явление и важнейшее условие стабильности и самовоспроизводства в обществе, и теории «общества риска» (Э. Гидденс, Н. Луман, У. Бек) [2; 5; 7], описывающей солидарности как результат самоорганизации индивидов в ответ на возникающие рискогенные ситуации окружающей действительности. В исследовании мы будем опираться на интерпретацию Ю.А. Красина [6], согласно которому

гражданская солидарность – это «глубинная основа понятия гражданства как сопричастности всех членов общества к общенациональным целям и государственной публичной политике». Данный объяснительный конструкт включает субъектный, институциональный, ценностно-смысловой и социально-политический ракурсы.

Объединяющим основанием для индивидов, которые встраиваются в солидарные сообщества, является гражданская идентичность. В рамках исследовательского проекта необходимым аналитическим инструментом изучения элементов структуры гражданской идентичности является структуралистско-конструктивистский подход (П. Бурдьё, П. Бергер, Т. Лукман, Б. Андерсон) [1; 3; 4]. Данный подход станет основой для описания четырех компонентов гражданской идентичности (когнитивный, ценностно-смысловой, эмоциональный и деятельностный), а также для определения степени сформированности каждого из них на локальном уровне. В качестве теоретической интерпретации деятельностного компонента (реализация гражданской позиции) гражданской идентичности будет использован аналитический инструмент исследования гражданского участия Ю.В. Ухановой, которая рассматривает участие граждан в решении социальных проблем в плоскости вертикального взаимодействия (сотрудничество с органами государственной власти) и горизонтального (пространство повседневности) [9].

Для выявления и характеристики практик актуализации гражданской солидарности предполагается использовать концепции социального капитала (А. Портес, Ф. Фукуяма, Р. Патнэм), где в качестве факторов развития гражданской солидарности рассматриваются социальные отношения, нормы, неформальные сети, доверие и неформальные коммуникации [13; 17; 18]. Для осмысления и эмпирической верификации символического измерения гражданской солидарности авторами будет использоваться теория социального обмена (Д. Хоманс, П. Блау, Л. Мольм) [12; 14; 15]. Эвристический потенциал теории «нового коммунитаризма», принципы которой получили свое развитие в трудах А. Этциони, позволяют описывать гражданскую солидарность как деятельность сообществ, сплоченных общими нравственными установками и созидательными социальными практиками [10]. Механизмы формирования гражданской солидарности рассматриваются в ключе теоретических разработок Дж. Александера, в которых гражданская солидарность, с одной стороны, рассматривается как один из факторов, влияющих на конструирование идентичности, с другой – как детерминанта перехода от абстрактного дискурса к конкретному социальному действию [11]. *Компаративный* подход использован для проведения кросс-регионального сравнения субъектов с разным уровнем экономического развития с комплексом социокультурных особенностей.

Методы

Для проведения эмпирического исследования были использованы методы экспертного опроса и анкетирования населения трех регионов Юга России – Краснодарского края, Республики Адыгея и Республики Крым. Выбор объекта исследования обусловлен широкой совокупностью дестабилизирующих, поляризирующих общество факторов, который в настоящее время фиксируется на территории Южного федерального округа РФ. В частности, Краснодарский край, Республика Адыгея и Республика Крым, определяемые как полиэтничные субъекты РФ, сталкиваются с усложнением миграционных потоков, и как результат, большей дифференциацией социума по этническому признаку. Более того, сельские поселения и города регионов становятся объектом индивидуальной релокации и централизованной эвакуации российских граждан из зоны СВО. Появление «других» на территории субъектов ЮФО при условии отсутствия или неэффективности интеграционных практик открывает возможности для развития негативной идентичности местного населения и отчужденности лиц, вынужденно покинувших зону проведения Специальной военной операции.

В экспертном опросе приняли участие 45 экспертов (по 15 экспертов из каждого выбранного субъекта ЮФО), которые представляют исполнительные и законодательные

органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, ученых, специализирующихся на данном предметном поле, представителей общественных организаций и лидеров общественных инициатив. Экспертный опрос позволил выявить структурные компоненты гражданской солидарности и их содержательные характеристики (субъекты, механизмы, технологии, факторы формирования, актуализации и развития), а также специфику актуализации гражданской солидарности на конкретных территориях.

Анкетирование проводилось через территориальные сообщества в виде реальных и онлайн-социальных сетей. Массовый опрос, реализованный в цифровом формате, позволил оценить уровень и характер включенности населения в солидарные связи, их ценностные и поведенческие установки, способствующие актуализации гражданского участия на социальном и политическом уровне (реальные и потенциальные), а также выявить условия, при которых жители сельских территорий и малых городов готовы включаться в различные практики солидарности. Выборка кластерная, в рамках кластера (субъекта РФ) – случайная, с квотированием по полу и возрасту. Всего опрошено 969 чел. Соотношение полов: мужчины – 33%, женщины – 67%. По возрастам был сделан акцент на социально и экономически активные группы. Возрастная характеристика группы: доля молодежи до 23 лет – 51%, 23 – 44 года – 29,5%, старше 45 лет – 19,5%). Доля респондентов в крупных и средних городах – 57,2%, в малых населенных пунктах (до 30 тыс. чел. населения) – 42,8%.

Социокультурные основания гражданской солидарности и формы ее актуализации

Объединяющим основанием для индивидов, которые встраиваются в солидарные сообщества, является гражданская идентичность, которая выражается в четырех компонентах – когнитивном, ценностно-смысловом, эмоциональном и деятельностном.

Результатом сформированности когнитивного компонента гражданской идентичности является знание о принадлежности к гражданской общности. Ценностно-смысловой и эмоциональный компонент выражается в отношении к стране (региону / населенному пункту), которое может быть позитивным, негативным или неопределенным (актуализируется в конкретной ситуации).

Для оценки значимости объединяющих оснований на конкретной территории в опросник был заложен набор индикаторов, характеризующих актуализацию компонентов гражданской идентичности – история территории, ключевые символы, принадлежность к этнической или религиозной группе, общие для жителей проблемы и задачи и др. Нами были выявлены форматы включенности и индикаторы актуализации оснований гражданской идентичности в соответствии с возрастной группой респондентов (рис. 1, 2).

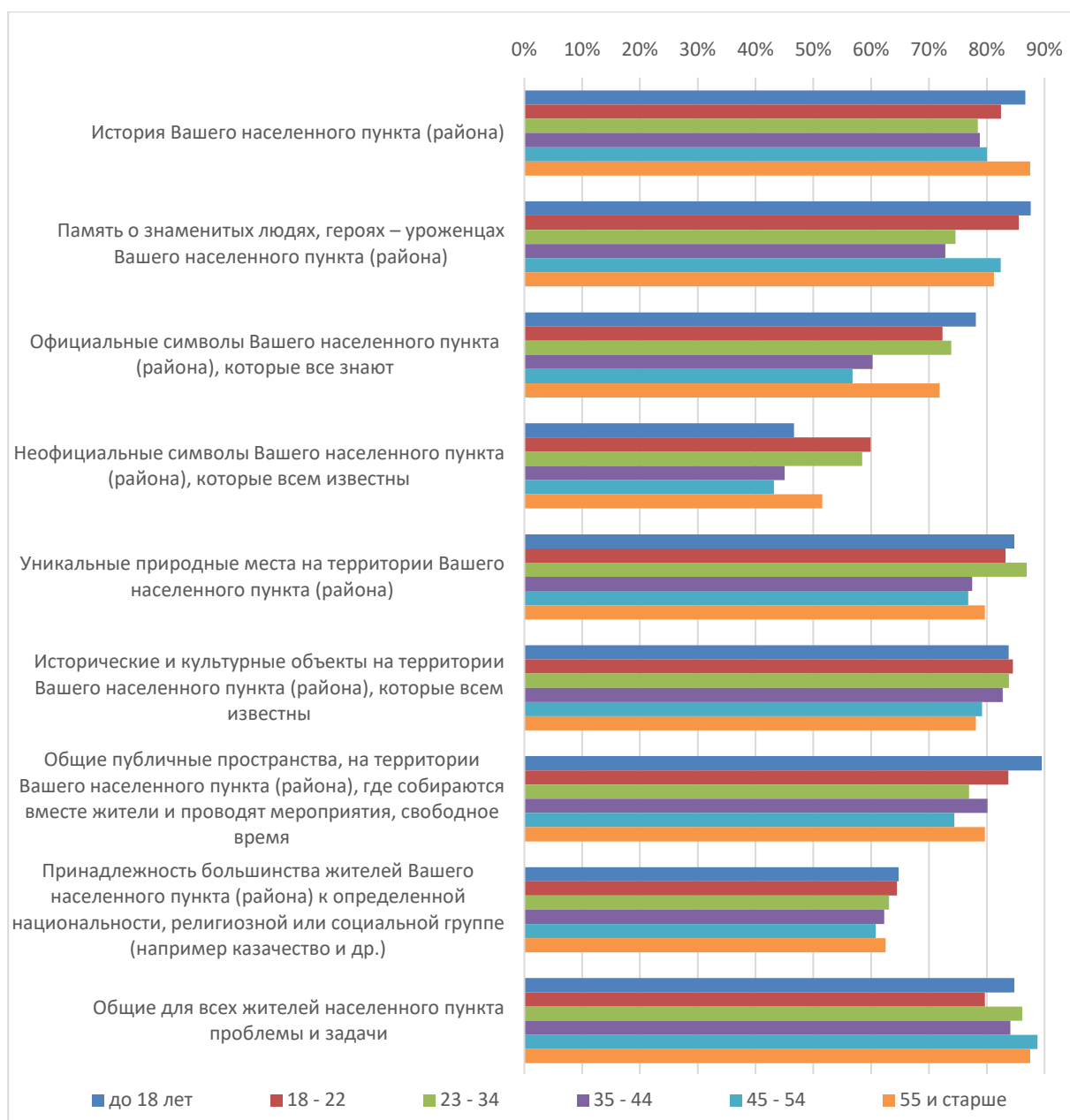

Рис. 1. Оценка значимости объединяющих оснований в зависимости от возраста респондентов

Деятельностный компонент гораздо сильнее проявляется с возрастом, с ростом значения практических задач, которые должен решать житель населенного пункта. Это рациональное основание, оно жестко привязано к условиям проживания. Смена конкретной локации (переезд в новый район того же населенного пункта) может существенно его менять. Но, тем не менее именно реализация задач, лежащих в этом основании – рациональная цель развития солидарности на локальном уровне. Деятельностный компонент более инструментальный, рациональный, выражается через решение объективных практических задач и кооперацию усилий. Это основание более значимо в сельских населенных пунктах (в силу слабой развитости социально обеспечивающих структур), и требует консолидации усилий всех членов локального сообщества.

Ценностно-смысловой и эмоциональный компоненты в большей степени отражают потребность в принадлежности к какой-то группе (желательно – максимально престижной, значимой). Это основание гораздо сильнее проявляется среди молодежи. Соответственно, именно этот базис формирует запрос на официальные и неофициальные символы, исторические или национальные корни, мероприятия и события. Конкретное деятельное

участие в решении локальных проблем, событиях и акциях также отличается своей спецификой. Так, можно отметить достаточно низкую долю участия в деятельности гражданско-политического характера и слабую вовлеченность в работу местного самоуправления.

Эксперты, включенные в реальные практики реализации гражданской солидарности (представители государственной и муниципальной власти, общественные деятели, профсоюзные лидеры), в интерпретацию понятия вкладывают в большей степени именно деятельностные характеристики (коллективные действия, преобразовательную активность, включение в проекты развития территории): *гражданская солидарность – это возможность и способность граждан к выражению общей позиции и коллективным действиям во имя общезначимых целей* (Э9 – Краснодарский край), *гражданская солидарность – это участие граждан в общественной жизни. Проявляется это в форме: активностей, поддержки, равнодушного отношения к различным аспектам жизни гражданского общества* (Э5 – Республика Адыгея).

Достаточно явно различаются деятельностные практики, участие в которых неравномерно распределено в разных возрастных категориях (рис. 2). Включение в инициативы по благоустройству населенного пункта (актуализация деятельностного основания гражданской идентичности) растет с возрастом, но, в то же время значимо и среди молодежи. Сбор средств на благотворительные цели существенно растет с возрастом, а политическая активность, волонтерство, – наоборот, падает. В культурные и просветительские мероприятия вовлекается молодежь и люди пожилого возраста, но заметна низкая включенность людей среднего возраста.

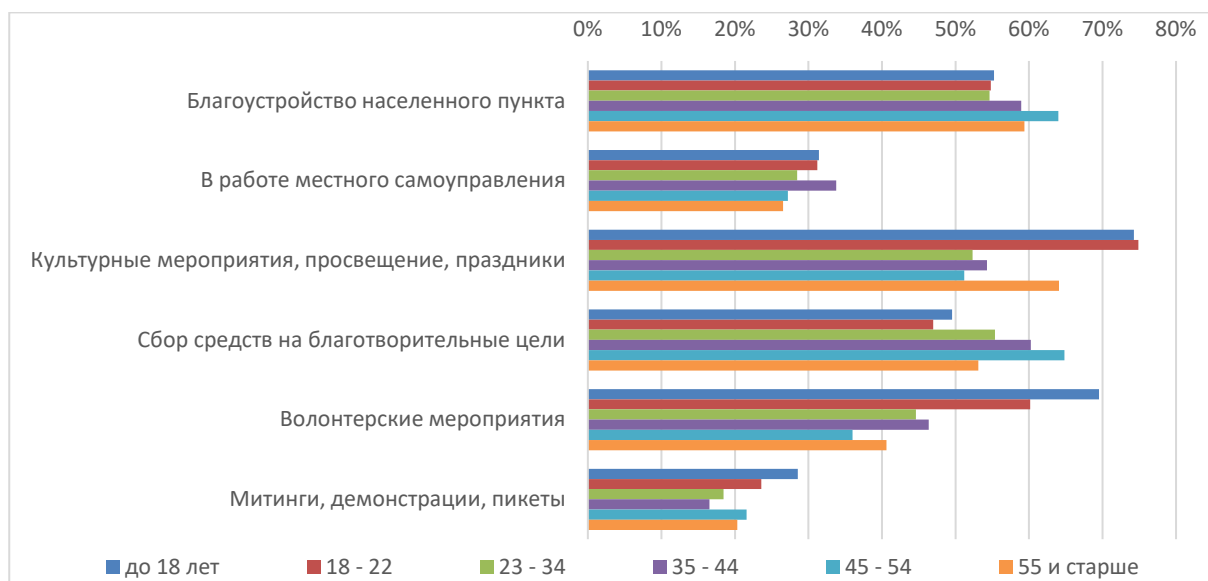

Рис. 2. Субъективная оценка участия в различных формах гражданской активности в зависимости от возраста респондентов

Существуют значимые различия по включенности жителей южных территорий в формы гражданской активности в рассматриваемых нами регионах. Так, в Крыму заметно ниже и так невысокая вовлеченность в работу местного самоуправления и политическую активность, в Адыгее – общая активность практически по всем формам несколько выше (в том числе и по включенности в работу местного самоуправления и формы гражданско-политической активности – митинги, демонстрации, пикеты) (рис. 3).

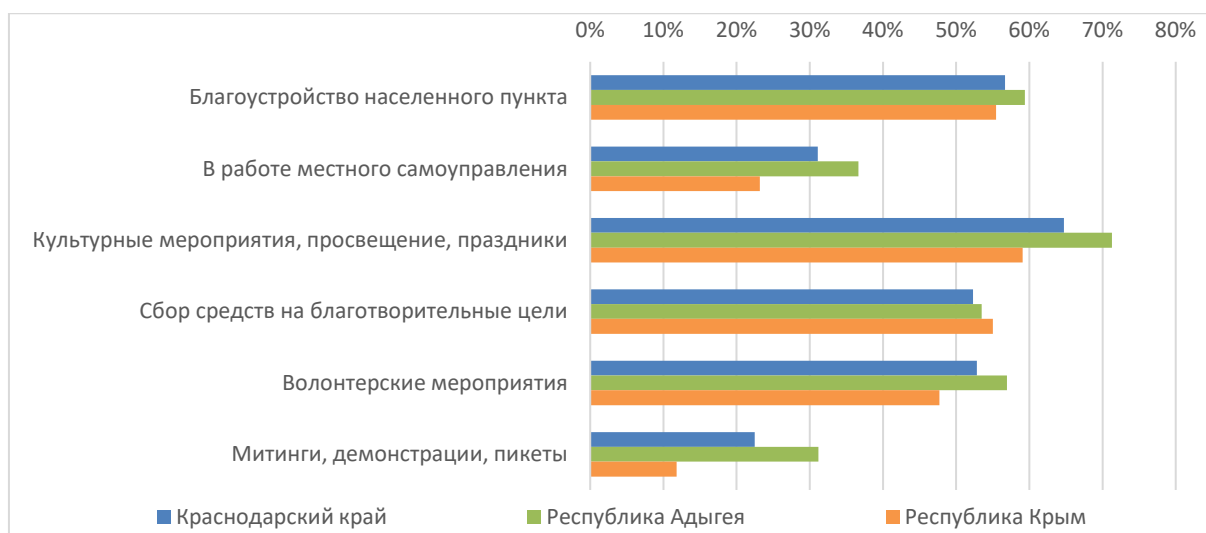

Рис. 3. Субъективная оценка участия в различных формах гражданской активности в зависимости от региона опроса

В сельских территориях жители значительно сильнее включаются во все форматы общественно-гражданской активности, кроме участия в благотворительности. Особенно заметна более активная позиция сельских жителей относительно вовлеченности в работу местного самоуправления и участия в практиках благоустройства населенного пункта, что объясняется большей прозрачностью работы сельских органов власти для рядового жителя.

Гражданская солидарность в региональной и локальной проекции

Процессы территориальной идентификации и формирования гражданской солидарности взаимообусловлены. Сформированная локальная идентичность, а вместе с тем, включение граждан в конструктивные солидарные практики на местном уровне, являются результатом политики идентичности. Сформированная у жителей локального сообщества идентичность определяет грамотную деятельность субъектов политики идентичности, прежде всего, органов местного самоуправления, которые решают задачи интеграции граждан в общероссийский социально-политический и историко-культурный дискурс [8].

Если говорить об объединяющих основаниях жителей рассматриваемых в исследовании территорий, то в целом респонденты однозначно указывают на наличие общего: 46% опрошенных согласны с утверждением, что жители их населенного пункта представляют собой единую группу, объединенную общими целями и ценностями, 42,7% респондентов также отмечают, что у жителей их населенного пункта есть что-то общее (рис. 4).

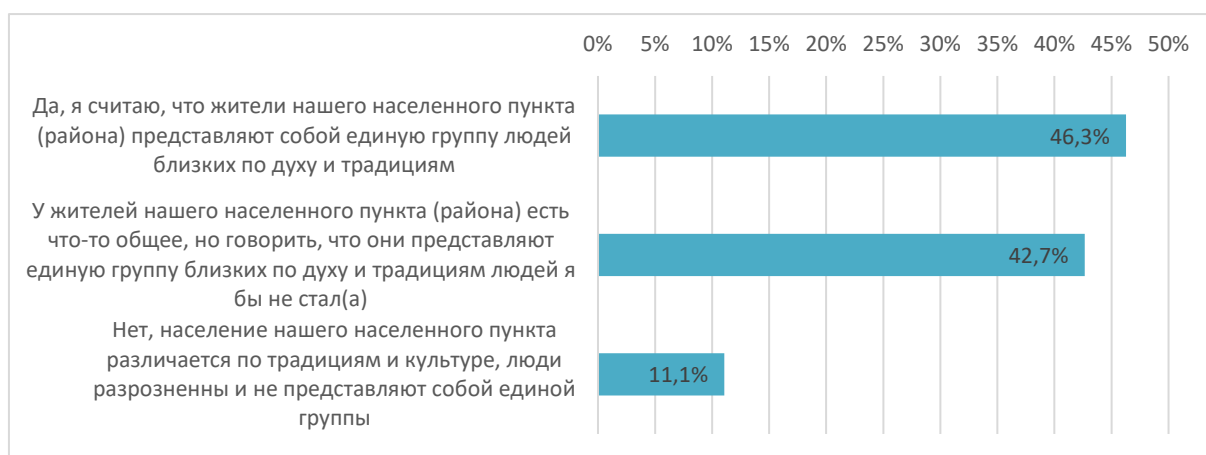

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, жителей Вашего населенного пункта (района) объединяет что-то общее?»

Однако оценку уровню солидарности жители дают достаточно умеренно: треть опрошенных оценивает ее достаточно низко, менее одной пятой респондентов говорят об «очень высоком» уровне общественной солидарности в их населенном пункте (рис. 5).

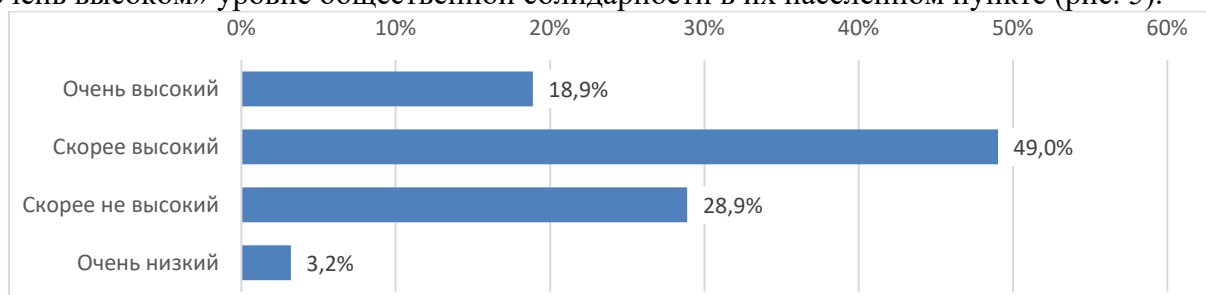

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете уровень общественной солидарности в Вашем населенном пункте (районе)?»

Оценка уровня (степени) солидарности в целом по выборке варьируется не так значительно, наиболее существенная зависимость проявилась в возрасте. С ростом возраста оценка степени солидарности снижается. Причем снижается именно максимальная оценка своего локального сообщества как единой группы, и переходит в оценку наличия некоторых общих элементов. Крайняя оценка «люди разрозненны и не представляют собой единой группы» с возрастом меняется достаточно слабо (пик в группе 35-44 года, и этот пик выше других значений всего на 7–8%). Различия по полу уже не так значительны (рис. 6).

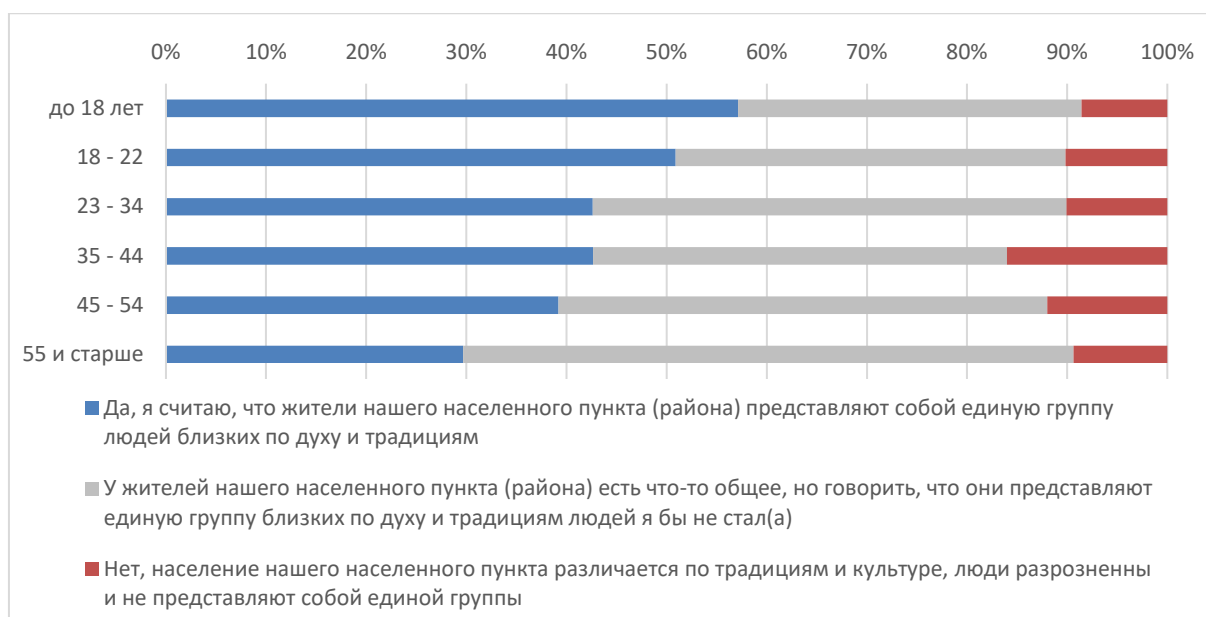

Рис. 6. Оценка солидарности в зависимости от возраста респондента

Прослеживаются различия в оценках солидарности городского и сельского населения – сельские жители оценивают солидарность в своем населенном пункте выше (рис. 7). Связь с поселенческой структурой и связанные с ней особенности социальных практик и коммуникации отмечается и экспертами: *Я так думаю, что больше в селах, станицах бОльшая солидарность с этим, в городах меньшая. Потому что соответственно там общество более сплоченное...за счет сетей неформальных. Они знают друг друга. И общая повестка, особенно когда лидеры общественного мнения задают тон поддержания, и видно это, и по призыву это видно. Что в городах люди побежали, а там люди встали и пошли* (Э4 – Краснодарский край).

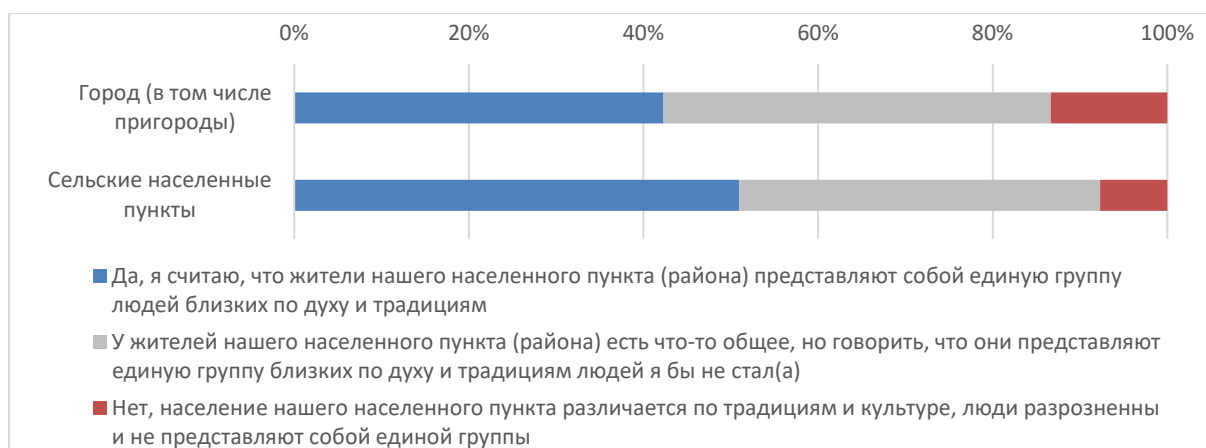

Рис. 7. Оценка солидарности на локальном уровне в зависимости от типа поселения респондента

Из сравниваемых регионов заметными отличиями в выражении солидарности жителей обладает Республика Адыгея. Там в целом заметно выше уровень оценки солидарности (рис. 8). Значимым фактором такой высокой степени единения жителей территории Республики является этнический компонент (*Люди так или иначе в первую очередь идентифицируют себя с этносом, а там, где есть идентификация с любой группой, в первую очередь, с этнической по возрастающей гражданская идентичность, гражданская солидарность, так или иначе присутствует* (Э6 – Республика Адыгея)). В этнические обычаи встроена траектория взаимопомощи и взаимоподдержки сообщества, которая выражается в коллективных формах

деятельности и выполняет функцию социализации и воспитания подрастающего поколения. В настоящее время такие традиции сильнее сохраняются на территориях Адыгеи: *жители села, аула, у кого-то сгорел дом и вот люди все собираются, для этого не надо никого заставлять, никакого внешнего административного решения, люди собираются и начинают помогать, восстанавливать дом и т.д., общинный характер такой*² (Э7 – Республика Адыгея).

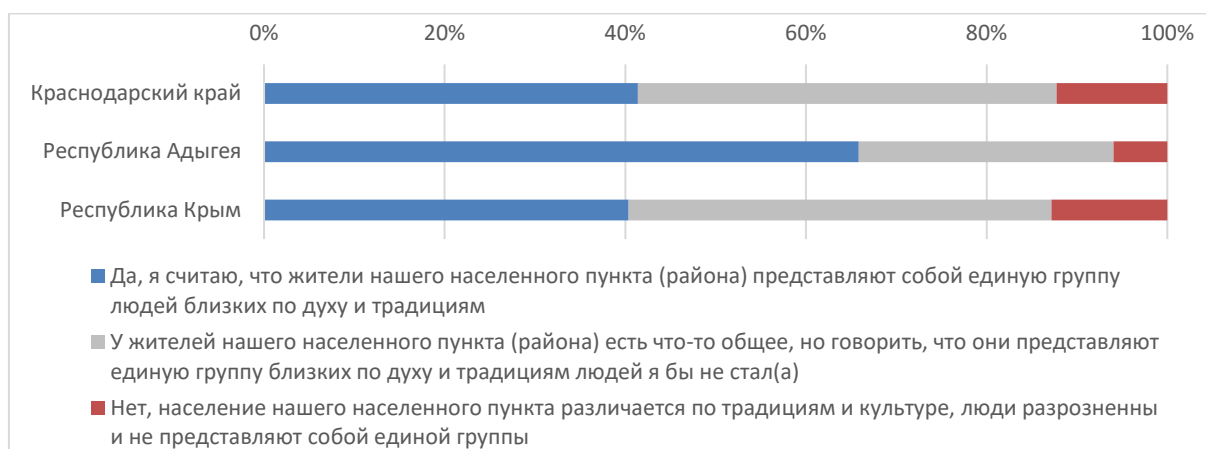

Рис. 8. Оценка локальной солидарности в зависимости от региона опроса

По Адыгее заметно сильнее проявляется и зависимость человека от общественного мнения. Так, там мотив участия как «нежелание получить осуждение окружающих за неучастие» отметили 30,2%, хотя по Краснодарскому краю и Крыму это отмечали почти 2 раза меньше (18%).

Мнения респондентов о том, что объединяет местное сообщество, что формирует идентичность и солидарность, также отличаются не принципиально. Поскольку данный аспект мало осознаваемый, малорефлексируемый, респонденты указывают фактически все возможные варианты (то есть все «якорные» понятия, события, объекты, которые у них ассоциируются с локальной идентичностью, с «малой Родиной»). Практически по всем предложенным в анкете вариантам были достаточно частые ответы (81–84%), но здесь более показательной является отрицательная оценка, – то есть доля невыбора того или иного из предложенных вариантов. Такие «аутсайдеры» среди объединяющих факторов – это официальные и неофициальные символы, и принадлежность большинства жителей населенного пункта к определенной национальности, религиозной или социальной группе.

² Речь идет об адыгейской традиции «Шы́хьаф» – форме взаимопомощи, закреплённой в своде правил Адыге «хабзэ» (неписанный свод законов адыгов).

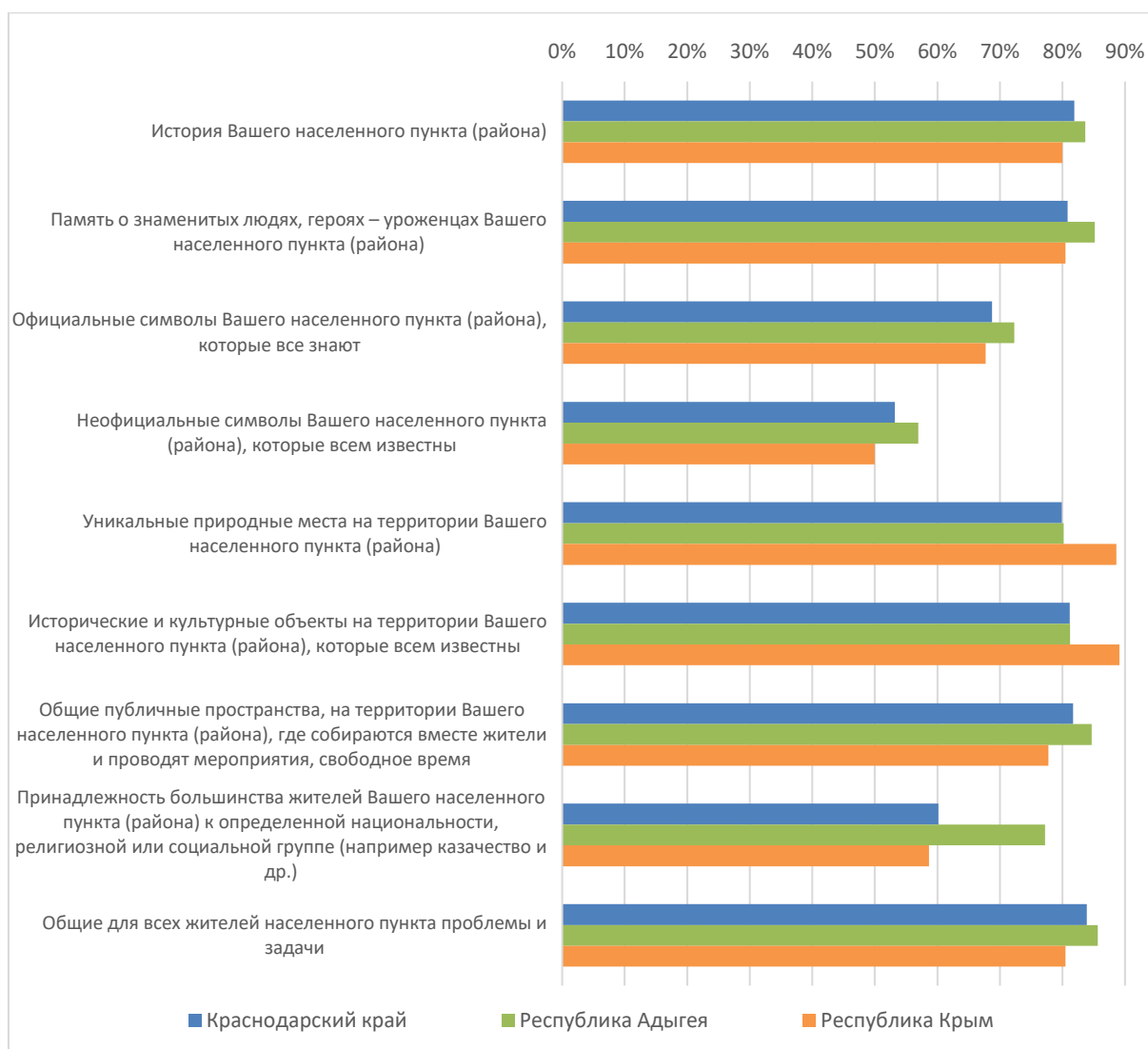

Рис. 9. Оценка значимости объединяющих факторов в зависимости от региона опроса

Эта малозначимость официальных и неофициальных символов демонстрирует более субъективный, нежели организационный характер солидарности – солидарность как производная от идентичности (и идентичность воспроизводится через механизмы солидарности), а не от формальной включенности в местное сообщество.

Именно поэтому сельские жители оценивают солидарность выше, чем городские и с возрастом оценка солидарности падает. Практически, пожилой человек может быть более включен в жизнь местного сообщества, но придает этому меньше субъективного значения.

Здесь же, в аспекте «Принадлежность большинства жителей ... к определенной национальности, религиозной или социальной группе...» проявляется и отличие в ответах респондентов Республики Адыгея. Если по остальным субъектам этот пункт набирает 58–60% ответов, то в Адыгее – 77,2%. С одной стороны это национальная республика со значительной долей титульного населения (а, соответственно, такая национальная ситуация будет актуализировать национальное самосознание и у нетитульных наций), а с другой стороны – это регион с относительно слабой урбанизацией, где сельское население в целом придает большее значение локальной идентификации. В Адыгее несколько выше значимость официальных и неофициальных символов, чуть больше значимость исторических аспектов и т.д. (рис. 9).

Из других региональных особенностей можно отметить акцентуализацию крымчан на значимости исторических и культурных объектов.

Однако в целом, необходимо признать, что выделить на основании ответов респондентов определенную сферу, определенный фактор, который сплачивает население – невозможно. Это уже инструменты формирования солидарности и конструирования идентичности. Если есть запрос (общественный или административный), то под этот запрос изыскиваются и исторические примеры, и национальные особенности, и уникальные природные объекты и т.д.

Факторы формирования гражданской солидарности территорий Юга России

Успешные способы и технологии актуализации гражданской солидарности невозможно выработать и интегрировать в политико-управленческую практику без представления о ключевых факторах, оказывающих влияние на формирование гражданской солидарности в условиях неоднородности социально-экономического и социокультурного пространства сельских территорий и малых городов регионов Южного федерального округа.

К наиболее важным факторам формирования гражданской солидарности респонденты отнесли следующие:

1. Фактор *внешних вызовов и угроз* выделили в качестве доминирующего практически все респонденты опроса и эксперты (*какие-то экстраординарные вещи, вокруг которых объединяются люди* (Э2 – Краснодарский край)).

Гражданская солидарность – динамическое явление, и она подвержена ситуативной переоценке жителями. В данном случае внешнеполитические события существенно влияют на осознание этой солидарности, причем на разных уровнях. Подавляющее большинство ситуацию конфликта с Украиной, проведения Специальной военной операции и других внешнеполитических и внутриэкономических последствий расценивает как фактор сплочения, среди опрошенных только 11,9% считают, что сплоченность общества, наоборот, снизилась и современные события усугубляют разобщенность.

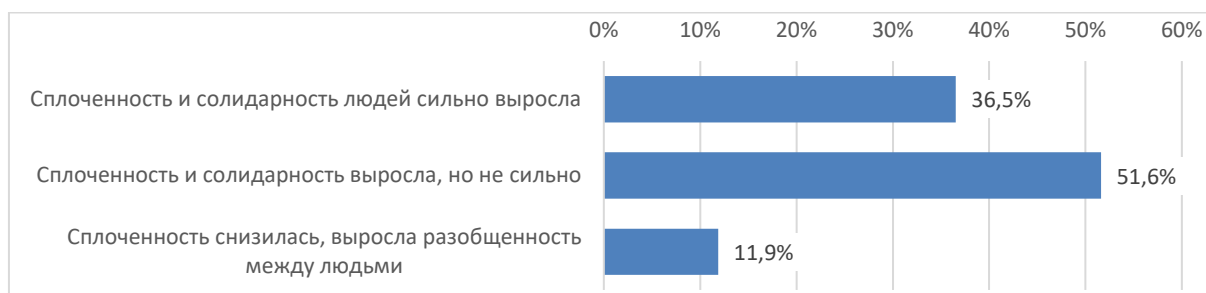

Рис. 10. Оценка изменения уровня гражданской солидарности в населенном пункте респондента под влиянием современной социально-политической обстановки в стране и в мире

Несмотря на то, что анкета ориентировалась на практики солидарности локального уровня и не включала тему СВО и общегражданской идентичности, но происходящие события проявляются на всех уровнях. Так, аспект СВО как объединяющего фактора для поселения (т.е. сам факт наличия военнослужащих из данного поселения в зоне боевых действий, сбор средств и т.д.) не был включен в виде вариантов ответов, но 11,6% респондентов самостоятельно внесли его в графу «другое». Прочие варианты, самостоятельно внесенные, не превышают 2% (рис. 10).

2. *Мобилизационный потенциал жителей.* В условиях неопределенности и рисков усиливается потребность в возможности оперативного включения разных групп жителей в решение проблем территории. Такие свойства объединения жителей городских и сельских территорий могут иметь религиозные, культурные и этнические основания (*способность к самоорганизации, конечно, многие отрицают, что в этом есть какие-то национальные черты, но, мне кажется, что все-таки какой-то исторический бэкграунд на это тоже влияет*) (Э2 – Краснодарский край)).

3. *Форматы взаимодействия в сложившейся поселенческой структуре* определяются социокультурными разрывами, реализованными в семейной, общественной и политической сферах жизнедеятельности. Выше отмечалось, что в оценках солидарности городского и сельского населения прослеживаются значимые различия – сельские жители оценивают солидарность в своем населенном пункте значительно выше (*В традиционалистских обществах ведь не так же... что люди, а что соседи скажут, а что станица скажет, – это очень важно, особенно для патриархального общества, а у нас не все в городе Краснодар живут все-таки. Я говорю сейчас именно про Краснодарский край, все-таки один из немногих субъектов, где численность все-таки сельского и городского населения где-то относительно одинакова* (Э5 – Краснодарский край)).

4. *Институциональный фактор* выделили эксперты-представители академического сообщества, отметившие важность наличия площадок, ресурсов и специальных общественно-политических структур для реализации форматов гражданской солидарности (*насколько обеспечены в политической системе институциональные условия для формирования солидарности, то есть, есть ли возможность, например, свободно объединяться у граждан, или же они встречаются с какими-то затруднениями. Есть ли, например, возможность критических высказываний, или нет этой возможности и так далее* (Э6 – Краснодарский край)). Данный тезис подтверждается в ответах жителей, которые готовы поддерживать инициативы образовательных, культурных организаций и органов местного самоуправления гораздо охотнее, чем лидеров общественных объединений или общественных активистов (рис. 11).

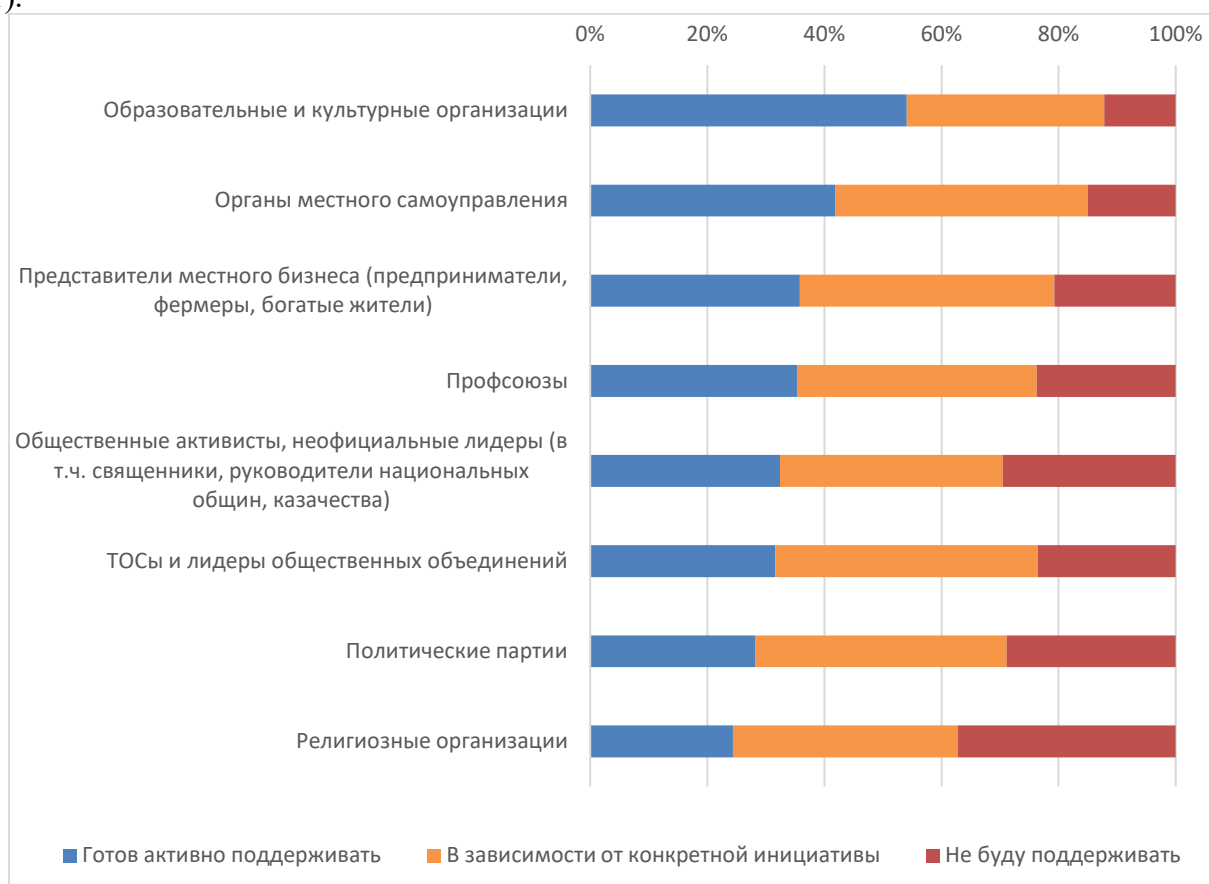

Рис. 11. Распределение ответов на вопрос «Общественные инициативы каких структур в вашем населенном пункте Вы готовы поддержать?»

5. *Ценностный фактор* определяется наличием/отсутствием ценностных оснований, разделяемых локальным сообществом (*наличие каких-то ценностей, вокруг которых граждане готовы объединяться* (Э6 – Краснодарский край)).

6. *Фактор лидерства обладает значительным ресурсным потенциалом, который может быть использован различными социально-политическими субъектами как в конструктивном, так и в деструктивном формате. (У нас есть легендарная девушка – Валерия Петрусевич. Она основательница фонда «Добро мира – Волонтеры Крыма», у нее у самой трое детей, и сейчас она беременная четвертым. Она выступает нашим большим вдохновителем. Как мне известно, начинала она с недвижимости, у нее много объектов недвижимости, которые она сдает в аренду и все деньги передает на реализацию волонтерских проектов... Сейчас она очень четко выразила свою гражданскую позицию, и, насколько я знаю, выкупила 11 внедорожников для фронта за свои деньги (Э8 – Республика Крым)).*

Выводы

В условиях неоднородности социально-экономического и социокультурного пространства сельских территорий и малых городов регионов Юга России представляется невозможным выработка успешных технологий актуализации гражданской солидарности и ее интеграция в институциональную политику местных властей без представления о ключевых факторах, оказывающих влияние на ее формирование. Результаты проведенного нами исследования демонстрируют многообразие геополитических, социально-экономических, политико-правовых и социокультурных факторов, оказывающих влияние на формирование гражданской солидарности в городских и сельских территориях. Представленный набор описанных факторов (институциональный, ценностный, внешние вызовы и угрозы, мобилизационный потенциал жителей территории, форматы взаимодействия в сложившейся поселенческой структуре и фактор лидерства) можно использовать для мониторинга потенциала консолидации жителей территорий Южного федерального округа и включения в аналитическую модель оценки нематериальных ресурсов локальных территорий. Для политико-управленческой сферы результаты данного исследования могут стать отправной точкой в конструировании эффективных моделей и технологических форматов актуализации и развития гражданской солидарности, которые на локальном уровне приобретают уникальные формы и практики, требующих выработки специфических политико-управленческих стратегий.

Литература

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. - М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
2. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. - М.: "Медиум", 1995. 323 с.
4. *Бурдые П.* Социология политики. - М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
5. *Гидденс Э.* Судьба, риск и безопасность // THESIS. - 1994. - № 6. - С. 40-102.
6. *Красин Ю.А.* Социальное неравенство в политическом измерении. URL: https://www.perspektivy.info/book/socialnoje_neravenstvo_v_politicheskom_izmerenii_2008-12-04.htm (дата обращения: 12.09.23)
7. *Луман Н.* Понятие риска // THESIS. - 1994. - № 5. С. 4-160.
8. *Русия Н. Т.* Символические ресурсы политики идентичности на локальном уровне (на примере сельских территорий Краснодарского края) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. - 2022. - № 2 (71). - С. 86–94.
9. *Уханова Ю.В.* Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) // Проблемы развития территории. - 2021. - № 1. - С. 88-107.
10. *Этциони А.* От империи к сообществу. Новый подход к международным отношениям. Москва: Ладомир, 2004. 384 с.

11. Alexander J.C. *The civil sphere*. - Oxford: Oxford univ. press, 2006. 793 p.
12. Blau P.M. *The dynamics of bureaucracy*. - Chicago, 1955. 269 p.
13. Fukuyama F. Social capital and the global economy // *Foreign Affairs*. - 1995. - № 74. - P. 52-58.
14. Homans G.C. *Social behavior: Its elementary forms*. - N.Y.; Burlingame: Harcourt, Brace & World Inc., 1961. 404 p.
15. Molm, L. Theories of social exchange and exchange networks // In B. Smart & G. Ritzer (eds.), *Handbook of Social Theory*. Sage Publications. 2001. pp. 260-272.
16. Parsons T. *Values, Motives and Systems of Action* / Parsons T., Shils E. (eds.) *Toward a General Theory of Action*. - Cambridge: Harvard University Press, 1954. 506 p.
17. Portes A. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // *Annual Review of Sociology*. - 1998. - Vol. 24. - P. 1-24.
18. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. - New York; Touchstone Books by Simon & Schuster, 2001. 544 p.

References

1. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism]. M., Kuchkovo pole Publ., 2016, 416 p. (In Russian).
2. Bek U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity]. - M., Progress-Traditsiya, 2000, 384 p. (In Russian).
3. Berger P., Lukmann T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A treatise in the sociology of knowledge]. M., "Medium" Publ., 1995, 323 p. (In Russian).
4. Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. M., Socio-Logos Publ., 1993, 336 p. (In Russian).
5. Giddens E. Sud'ba, risk i bezopasnost' [Fate, Risk and Security]. *THESIS* [THESIS], 1994, № 6, pp. 40-102. (In Russian).
6. Krasin Yu. A. Sotsial'noe neravenstvo v politicheskom izmerenii [Social inequality in the political dimension]. Available at: https://www.perspektivy.info/book/socialnoje_neravenstvo_v_politicheskom_izmerenii_2008-12-04.htm (Accessed: 12.09.23) (In Russian).
7. Luman N. Ponyatie riska [Risk concept]. *THESIS* [THESIS]. 1994, I. 5, pp. 4-160. (In Russian).
8. Rusiya N. T. Simvolicheskie resursy politiki identichnosti na lokal'nom urovne (na primere sel'skikh territoriy Krasnodarskogo kraya) [Symbolic resources of identity policy at the local level (on the example of rural territories of the Krasnodar region).] *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2022, I. 2 (71), pp. 86-94. (In Russian).
9. Ukhanova Yu.V. Kollektivnye praktiki i potentsial grazhdanskogo uchastiya lokal'nogo soobshchestva (sotsiologicheskoe issledovanie v rossiyskikh regionakh) [Collective practices and potential for civic participation of local community (sociological research in Russian regions)]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory development], 2021, I. 1, pp. 88-107. (In Russian).
10. Ettsioni A. *Ot imperii k soobshchestvu. Novyy podkhod k mezhdunarodnym otnosheniyam* [From empire to community. A new approach to international relations]. M., Ladomir, 2004, 384 p. (In Russian).
11. Alexander J.C. *The civil sphere*. Oxford, Oxford univ. press Publ., 2006, 793 p.
12. Blau P.M. *The dynamics of bureaucracy*. Chicago, 1955, 269 p.
13. Fukuyama F. Social capital and the global economy, *Foreign Affairs*, 1995, I. 74, pp. 52-58.
14. Homans G.C. *Social behavior: Its elementary forms*. N.Y.; Burlingame, Harcourt, Brace & World Inc., 1961, 404 p.
15. Molm, L. *Theories of social exchange and exchange networks*. In B. Smart & G. Ritzer (eds.), *Handbook of Social Theory*. Sage Publications. 2001, pp. 260-272.

16. Parsons T. Values, Motives and Systems of Action / Parsons T., Shils E. (eds.) Toward a General Theory of Action. Cambridge, Harvard University Press Publ., 1954, 506 p.
17. Portes A. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology, *Annual Review of Sociology*, 1998, V. 24, pp. 1-24.
18. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York, Touchstone Books by Simon & Schuster Publ., 2001, 544 p.